

УДК 82

**«ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СВОЙСТВЕННИКОВ ИОАННЫ Д'АРК»:
ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

© 2013 г.

И. С. Юхнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.09.2012

Рассматривается вопрос о жанровой природе «Последнего из свойственников Иоанны д'Арк» А.С. Пушкина. Приводится новая аргументация, подтверждающая точку зрения С.А. Фомичева о том, что данное произведение принадлежит к художественной, а не публицистической прозе поэта.

Ключевые слова: Пушкин, «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», Вольтер, Дюлис, диалог, эпистолярный диалог, мистификация.

Статьи о «Последнем из свойственников Иоанны д'Арк» появляются не так часто. Тем не менее произведение достаточно хорошо прокомментировано: охарактеризован исторический контекст, выявлены и объяснены исторические неточности и ошибки, показано, как «Последний из свойственников...» вписывается в литературную программу «Современника» и соотносится с произведениями, созданными Пушкиным в 1836 году [1]; в нем выявлены автоцитаты (что крайне важно, так как, «это произведение беспрецедентно по количеству автоцитат и отсылок к предыдущим текстам» [2, с. 19]). «Последний из свойственников...» прочитан также в контексте преддуэльных событий.

Однако можно констатировать, что большинство работ имеет дискуссионный характер, а ни один из обсуждаемых вопросов не получил разрешения. И прежде всего до сих пор нет единства в понимании природы самого текста. Какое это произведение? Публицистическое или художественное? «Стандартный продукт журнальной поденщины», «реферат занятой публикации в лондонской газете» [3, с. 199] или же текст, имеющий серьезный художественный потенциал? Памфлет (как считает Д. Благой [4]) или же «протороман» (как утверждает С.А. Фомичев [5]) и даже при издании пушкинского пятитомника помещает этот текст в раздел «Произведения, не включенные в собрание романов и повестей»)?

Первое упоминание о «Последнем из свойственников...» принадлежит А.И. Тургеневу, которому 9 января 1837 года Пушкин читал свое произведение. Именно эта дневниковая запись заставила исследователей вычленив статью из ряда журнальных публикаций и рассмотреть ее в ином литературном ряду. Подобные примеры, когда автокомментарий Пушкина

определяет контекст, в котором следует рассматривать его произведение, хорошо известны. Достаточно вспомнить историю с «Графом Нулиным». Шекспировский пласт этой поэмы стал очевиден после обнаружения записи Пушкина том, что замысел возник как желание «пародировать историю и Шекспира» [6, с. 156].

А.И. Тургенев называет «Последнего из свойственников» «пастиш». Однако неясно, чье это определение: Тургенева, который распознал «подделку», или же подобным образом представил слушателю свой текст сам Пушкин.

Как синонимичные к этому тургеневскому определению в XX веке использовали понятия «мистификация» (как правило, в скобках следовало уточнение – «пастиш») и «стилизация». Впервые отчетливо и последовательно их разграничил А. Долинин. В статье «Как понимать мистификацию “Последний из свойственников Иоанны д'Арк”» он делает вывод, что это «мистификация смешанного типа, сочетающая внешние признаки серьезной подделки с элементами игрового, шутливого притворства. Несомненно, Пушкин хотел, чтобы некоторые, самые искушенные читатели поняли, что переписка с Вольтером сфабрикована, и попытались бы разгадать тайные смыслы текста. Заранее сообщив А.И. Тургеневу, что его статья – мистификация (уточним, что это утверждение – лишь предположение; мы не имеем свидетельств того, что именно Пушкин подобным образом определил жанр «Последнего из свойственников». – *И.Ю.*), он явно начал готовить почву для такого прочтения» [3, с. 209].

Как видим, возникает вопрос, кому был адресован этот текст.

Пушкин собирался опубликовать «Последнего из свойственников...» в «Современнике», а

это значит, что адресат мыслился им крайне неоднородным: не только ближайшее окружение, являющееся свидетелем разворачивающейся семейной драмы, но и читатель, который изначально воспримет этот текст как явление литературы и литературной борьбы, а не только как зашифрованное личное послание.

Есть еще одна точка зрения по поводу возможного адресата. Е.А. Липницкая считает, что «пушкинскую мистификацию можно рассматривать как диалог с царем, последнюю исповедь и покаяние» [2, с. 6–7]. По ее мнению, Николай I «и был главным адресатом «пастиша». Возможно, осуждая Вольтера за то, что тот отрекся от собственной поэмы только из страха, а не по совести, Пушкин подтверждает свое искреннее покаяние. Это давало ему моральное право рассматривать собственную публицистическую деятельность как возможность влиять на верховную власть» [2, с. 19–20].

Так или иначе, на прочтение исследователями произведения серьезно влияет биографический фон. «Последний из свойственников» воспринимается как реплика Пушкина в диалоге с властью, жизненными обстоятельствами, тем более что все детали здесь вроде бы складываются в единую картину: францужско-голландское происхождение книги, которая попала в руки Дюлиса-отца, соотносят с национальностью Дантеса и Геккерена, отказ Вольтера от дуэли также напрямую связывают с поступком голландского посланника...

И этот биографический контекст, стремление разобраться в деталях, отводят от понимания художественного смысла «Последнего из свойственников». Однако предельная насыщенность этого текста темами и мотивами, важными для позднего творчества Пушкина, отточенная и многоуровневая художественная форма позволяют считать, что данный текст – не только иллюстрация к обстоятельствам личной жизни, не только зашифрованное тайное послание конкретному кругу лиц. Он имеет самостоятельное художественное значение, когда сама форма порождает новые смыслы. И здесь стоит согласиться с С.А. Фомичевым, который воспринимает этот текст как художественное произведение. Тем более что форма мистификации не исключает возможности такого понимания. Примеров тому в творчестве самого Пушкина много. А П. Рейфман отмечает такую тенденцию: «...1836 г., время издания «Современника», является и годом искрометной игры, мистификаций, веселой, а иногда и не совсем безобидной иронии, смакования острых ситуаций, создаваемых нередко самим поэтом» [1, с. 152]. И приводит целый ряд произведений, которые

позволяют ему сделать этот вывод: «Подражание Лукуллу», «Записки Н.А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным» (при этом они были изданы так, что современники сомневались в авторстве кавалерист-девицы), «Отрывок из неизданных записок дамы» (пушкинский «Рославлев»), опубликованный также без подписи – «Здесь вновь мистификация, но иного рода: свое произведение Пушкин выдает за чужое», – замечает исследователь [1, с. 153]). В этот же ряд он включает и «Капитанскую дочку».

В этот контекст хорошо вписывается «Последний из свойственников...» (здесь представлены вымышленные документы, появляется журналист, комментирующий их, тем самым события прошлого показаны глазами современника), и вписывается как явление уникальное, так как в нем (повторимся еще раз) сошлись все темы и мотивы, магистральные в позднем творчестве Пушкина.

С точки зрения формы «Последний из свойственников» представляет собой журнальную заметку об историческом курьезе. Но составлена эта заметка так, что в ней сочетаются разные типы текста: вступительный комментарий издателя, письма (дуэльный вызов Дюлиса и отказ от него Вольтера), замечания английского журналиста. В результате журнальная публикация становится «разноголосой», а сухое информативное сообщение приобретает диалогический потенциал.

Причем можно вести речь о разных типах диалога: эпистолярном (Дюлис – Вольтер), журналистском (издатель – английский журналист), межкультурном (когда сталкиваются ментальности: англичанин бросает упрек французам), историческом (события прошлого глазами современника), цивилизационном (аристократов сменяет поколение «промышленников», Дюлис делает своим наследником Джемса Белли, родственника жены – «книгопродавца эдимбургского»¹), эстетическом (разное отношение к книге и понимание ответственности творца за созданное) и, конечно, скрытом диалоге – биографическом.

Центром заметки, организующим все эти коммуникативные «узлы», становятся письма Дюлиса и Вольтера. Если бы они не были воспроизведены, то не зазвучали бы голоса самих участников события, а рассказ о курьезном эпистолярном происшествии прозвучал бы как один из анекдотов, которые любил записывать Пушкин (table-talk). В данном случае срабатывает механизм, действующий в эпистолярной прозе: «...письмо становится иконическим знаком, позволяющим учитывать не столько его содержание, сколько подтекст, порождаемый взаимоотношениями героев» [7, с. 19].

И тут интересен характер эпистолярной коммуникации, так как эпистолярного диалога в полном смысле этого слова здесь нет.

Нет предшествующих письмам жизненных контактов: письмо Дюлиса – спонтанное, незапрограммированное событие; его появление обусловлено случаем, который вторгается в жизнь («Недавно имел я случай приобрести...»). Мотивирован этот эпистолярный контакт не взаимным интересом (что называют обязательным условием для оформления произведения как эпистолярного романа или повести²), а оскорбленным чувством чести.

Отчетливо проступают несовпадающие интенции героев, а потому письмо Дюлиса не достигает своей цели; Вольтер отказывается от поединка.

Автор письма и адресат существуют в разных, непересекающихся культурных и интеллектуальных пространствах. До определенного момента они не подозревают о существовании друг друга.

При эпистолярном контакте автором письма обязательно предвидится реакция на него адресата – его ответное действие. И Дюлис предполагает совсем не тот ответ, который получает. Он ожидает запрограммированного поступка, действия. А получает письмо-отказ.

Эпистолярная коммуникация успешна, когда достигнута цель. В данной ситуации есть ответ, но такой, что можно вести речь об обрыве коммуникации. Причем если предшествующие письму события можно воссоздать, то о последующих ничего неизвестно. Какова реакция Дюлиса на ответ Вольтера? Он остается с осознанием оскорбленного чувства чести или же объяснения его удовлетворили, и он поверил тому, что пишет Вольтер?

Собственно, следующий пласт диалога (взаимное отражение двух журналистских комментариев) переводит этот эпистолярный диалог на другой уровень. Диалог журналистский – это, по сути, полемика о способах подачи материала. Бесстрастно-информативный стиль издательского комментария противоположен тенденциозности заметки английского журналиста. Один избегает, насколько это возможно, своих оценок (хотя они проскальзывают), другой использует факт для изложения собственной позиции, далеко уводящей от предмета эпистолярного диалога Дюлиса и Вольтера.

Публикация обнажает механизм рождения интерпретации реального исторического события, из чего, в свою очередь, формируются исторические мифы.

Помещенный в рамку редакторского комментария, обмен письмами Дюлиса и Вольтера

перестает быть событием их частной жизни, так как становится примером, из которого английский журналист выводит некую мораль, а издатель – уже саму переписку воспринимает в единстве с этим отзывом. Так историческое происшествие начинает свою самостоятельную жизнь в массовом сознании. Факт утрачивает свою определенность, так как может получать разные (в том числе и тенденциозные) трактовки, и документальность.

А ситуация при всей своей реальности, объективности обретает форму анекдота.

Как видим, позиции и героев, и журналистов обозначены. Диалог в обоих случаях вроде бы состоялся. Но он вызвал новые вопросы, и прежде всего вопрос о том, кто «победил» в споре, чья позиция наиболее близка самому поэту. Свои ответы на них ищет читатель. И подобная диалогическая «разомкнутость» текста – признак его художественности.

В.С. Листов, много лет посвятивший изучению вопроса о том, как Пушкин обращается с историческими источниками при создании своих произведений, вывел очень точную формулу: историческим источником Пушкину служило его воображение. Так, вероятно, произошло и при создании «Последнего из свойственников...».

Примечания

1. Стоит заметить, что фигура Джемса Белли, «книгопродавца эдмбургского», «родственника жены» Дюлиса, которого Дюлис «назначил... по себе наследником», – крайне знаменательна. Это упоминание, по сути, намечает самостоятельный «возможный сюжет»: то, что хранилось в недрах семьи, передавалось из поколения в поколение, в современную эпоху становится предметом торга (документы продаются с аукциона). Аристократа сменяет «промышленник». А это влечет за собой смену системы ценностей и нравственных норм.

2. Сошлемся на мнение Н.В. Логуновой, автора глубокого исследования об эпистолярном романе: «Для эпистолярной коммуникации, диалога нужна заинтересованность героев друг в друге, однако это не обязательно любовное чувство» [7, с. 16].

Список литературы

1. Рейфман П. Две программы пушкинского «Современника» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, II. (Новая серия) / Ред. Л. Киселева. Тарту, 1996. С. 130–155.
2. Липницкая Е.А. Эволюция творчества А.С. Пушкина – критика и публициста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2011. 21 с.
3. Долинин А. Как понимать мистификацию Пушкина «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» // И время и место: историко-филологический сборник к 60-летию Александра Львовича Осповата.

(Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 5). М., 2008. С. 198–216.

4. Благой Д.Д. «Душа в заветной лире»: Очерки жизни и творчества Пушкина. М.: Сов. писатель, 1979. 544 с.

5. Фомичев С.А. Последнее произведение Пушкина // Фомичев С.А. Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 503–522.

6. Пушкин А. С. Заметка о «Графе Нулине» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977–1979. Т. 7. Критика и публицистика. 1978. 543 с.

7. Логунова Н.В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: эволюция жанра и художественного дискурса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 46 с.

**«THE LAST OF THE RELATIVES OF JOAN OF ARC»:
THE DIALOGIC POTENTIAL OF THE WORK**

I.S. Yukhnova

The article examines the genre of «The Last of the Relatives of Joan of Arc» by A.S. Pushkin. We present some new arguments supporting S.A. Fomichev's point of view that this work is the poet's work of fiction rather than journalistic prose.

Keywords: Pushkin, «The Last of the Relatives of Joan of Arc», Voltaire, Dulys, dialogue, epistolary dialogue, hoax.